

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский

war'der Gedank'nicht so verwiinscht gescheidt,

Man war'versucnt, ihn herzlich dumm zu nennen.

Schiller («wallenstein»){1}

Но умысел другой тут был:

Хозяин музыку любил...

Крылов («Музыканты»)

Должно, однако ж, заметить, что литературные несогласия того времени были не иное что, как рыцарские поединки, в которых действовали одним законным и честным оружием; тогда искали торжества мнению своему, хотели выказать искусство свое, удовлетворить некоторой удалости ума, искавшего в подобных случайностях гласности и блеска. По вышеприведенному замечанию, что у нас тогда было более аматёров, нежели артистов, следует, что и в сих распрях выходили друг против друга добровольные, бескорыстные бойцы, а не наемники, которые ратуют из денег, нападают сегодня на того, за которого дрались вчера, торгуют равно и присягою и оружием своим, и за бессилием своим в бою начистоту готовы прибегать ко всем побоям предательства. Убегая с открытого поля битвы, поруганные и уязвленные победителем, они не признают себя побежденными: если стрелы их не метки и удары не верны, то они имеют в запасе другое оружие, потаенное, ядовитое, имеют свои неприступные засады, из коих поражают противников своих наверное.

Князь Вяземский («Библиографические и литературные записки о Фонвизине и его времени», помещенные в «Утренней заре» 1841 года)

Все согласны в очевидности успехов нашей литературы. Каждая эпоха ее имела своих достойных представителей; настоящая имеет своих, и в этом отношении ей нечем гордиться перед своими предшественницами. Но она имеет полное право гордиться пред ними своею зрелостью. С годами она стала мужественнее, опытнее, умнее. И если она пережила не слишком много годов, зато в пережитые ею немногие годы подверглась многим неожиданным изменениям, перепробовала много новых путей мысли и формы; это принесло ей ту великую пользу, что «новость» мысли или формы она уже не принимает больше за достоинство этой мысли или за достоинство этой формы. С литературою, естественно, возмужала и публика. Теперь посредственность тщетно стала бы рядиться в павлиньи перья изысканной оригинальности, ложного пафоса, блестящей фразеологии: время успехов ее миновало. Расчетливое корыстолюбие, в связи с добродушною ограниченностью, тщетно стало бы теперь надевать на себя маску испуганного фанатизма: оно никого не уверит в глубокости своих убеждений, в которых все увидят одно только низкое лицемерие. Старый, выписавшийся сочинитель может теперь сколько ему угодно нападать на талант и гений, на убеждение и заслугу и хвалить самого себя и свои сочинения: от этого ни ему, ни его сочинениям не будет лучше, так же как не будет хуже ни таланту, ни гению, ни убеждению, ни заслуге. Имена потеряли теперь все свое очарование. Публика восхищается сочинениями, а не именами. Кто бы ни издал для нее сборник хороших статей, – если статьи хороши, она раскупает сборник, хотя бы его издатель был вовсе ей неизвестен; если статьи плохи, она не покупает сборника, хотя бы его издатель был знаменитое лицо в литературе и под статьями сборника тоже выставлены были громкие имена. Если бы гениальный писатель вдруг издал что-нибудь недостойное его таланта и имени, это сочинение без всяких обиняков было бы названо всеми посредственным или плохим. Новый талант, великий или обыкновенный, может теперь смело выходить на литературное поприще без журнальных и всяких других протекций: он сейчас же будет признан за то, что он есть в самом деле, и его успех всегда будет более или менее соответствен его степени. Направление современной литературы русской носит на себе отпечаток зрелости и мужественности. Литература наша с недоступных высот великих идеалов, которых осуществлений никто не видал и не встречал на земле, спустилась на землю и принялась за разработку современной действительности, представляемой толпою. Этим из предмета праздной забавы она сделалась предметом дельного занятия. В ней теперь утвердились два великие элемента – стражи здравого эстетического вкуса против всего фразерского, натянутого, неестественного, слабого, сентиментального, ложного: мы говорим об иронии и юморе. С ними открыт для нашей литературы прямой, широкий и надежный путь к истинным, плодотворным успехам в будущем.

Но главная, существенная сторона успехов современной русской литературы заключается, конечно, в том, что теперь широк и легок путь для таланта, узок и труден для посредственности, невозможен для бездарности. Но из этого самого прогресса вышло не совсем отрадное следствие, как бы для доказательства того,

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru что, если справедлива поговорка: нет худа без добра, видно, правда и то, что не бывает и добра без худа. Посредственность и бездарность всегда были завистливы, беспокойны и раздражительны, но теперь неудачи доводят их до готовности пользоваться всеми средствами для поддержания своего падшего кредита, для поражения всех и каждого, кто с большим или меньшим успехом действует на литературном поприще. Журнальная полемика – не новость в нашей литературе. Почти все записные читатели на святой Руси до страсти любят полемические статьи, – и в то же время почти все любят бранить полемику. Многие из них точно так же от всей души убеждены в страшном вреде полемики для нравов, как и в великой пользе для тех же нравов от преферанса, сплетен и зевоты. Что до нас, – мы убеждены, что в благоустроенном обществе нестерпимы злоупотребления полемики, то есть дурной тон, площадная резкость выражений, личности; но что в полемике, умеющей держаться в пределах чисто литературных вопросов и выражаться прилично, нет никакого вреда, а, напротив, есть много пользы, потому что такая полемика дает литературе жизнь и движение. Если бы иногда полемика и позволяла себе немного забываться и проговариваться, – большой беды в этом нет, и такого рода промахи должны подлежать суду общественного мнения. Назад тому лет двенадцать полемика наводняла собою все журналы, и нельзя сказать, чтоб иногда она не грешила против хорошего тона; но зато и нельзя сказать, чтобы позволяла себе такие странные выходы, которые скорее можно назвать «юридическими», нежели «литературными».

Недавно в одном петербургском журнале, одним очень уважаемым лицом в нашей литературе, была высказана следующая дельная мысль: «У нас есть уже что-то похожее на школы, на партии в науке и литературе; бывают споры, хоть не совсем за идеи, а за самолюбие и карманы, однако ж в них сверкают иногда искры идей, как крупинки золота в глыбах рудокопной грязи. Все это производит какую-то игру в обществе, хотя не шумную и не богатую выигрышем, но показывающую по крайней мере уже замечательное развитие понятий, некоторую самостоятельность умов». Действительно, в этих словах заключается очень верная характеристика журнальной стороны современной русской литературы. К сожалению, у нас не во всех «глыбах рудокопной грязи» сверкают искры идей, но есть глыбы, в которых все – грязь и ни одной искорки. А между тем теперь нет ни одной «глыбы», которая не претендовала бы на идеи, не кричала бы о глубоком убеждении; некоторые из этих глыб даже решились говорить темным мистическим языком и не шутя обещают изменить весь мир к лучшему, изгнать из него пороки и водворить в нем добродетель, для чего и советуют миру – не жалеть денег, подписываясь на них, то есть на глыбы-то... Разумеется, подобные странности не могут получить никакого успеха, на чем бы они ни опирались – на искреннем убеждении или на расчете. Но, во всяком случае, неуспех раздражает самолюбивую посредственность и лицемерную расчетливость. Надобно бороться против всего, в чем есть истина и талант; но с ними не ровен бой для лжи и бездарности: надобно изобрести другое оружие. И оно изобретено и действует, если пока и неуспешно, зато неутомимо и с большими надеждами на будущее. Как бы то ни было, но несомненно одно – что с некоторого времени сделались довольно частыми и обыкновенными полемические статьи, в которых автор сперва очень вежливо отдает справедливость своему противнику, начинает с литературного вопроса, а потом незаметно переходит к патриотизму и т. п., тонко намекая, что его противник так или сяк грешит против того и другого... Вы принимаетесь за статью, по заглавию которой думаете, что в ней идет дело о весьма невинных предметах, например, грамматике, риторике какого-нибудь литературного произведения – повести, романа, водевиля, – и вдруг видите, что это вовсе не литературная статья, а что-то вроде *proces verba*!... [1] Если б вы, читатель, были ирани, то, прочтя такую статью, невольно воскликнули бы: «Бисмиллях! это что за известие?» – положили бы в уста своего понятия палец удивления и, за невозможностию решить задачу, возложили бы упование на аллаха... Просим извинить нас за эти восточные фразы: мы недавно вновь прочли «Мирзу Хаджи-Бабу Исфгани», на днях вышедшего вторым изданием, и как-то невольно исполнились восточного духа: перед нашими глазами так и вертятся то муфтии, готовые обвинить правоверного в нерадивом выполнении ежедневного намаза, то грозные ферраши, всегда готовые, по манию кадия, повалить правоверного на спину, вставить его ноги в фелек и бить по пятам палкою до тех пор, пока сердце его не обратится в кебаб (мелко рубленное жаркое), мозг не засохнет в костях, чрева не обратятся в воду и душа не выскочит из всех отверстий его тела...

В одиннадцатой, то есть ноябрьской, книжке «Москвитянина» за прошлый, 1845 год, благополучно достигшей берегов невы в январе благополучно наступившего 1846 года, есть статья: «Голос в защиту русского языка». Она начинается так:

В 8 № «Отечественных записок» за А(а)вгуст сего (то есть 1845) года, в отделе
Страница 2

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru «Библиографической хроники» помещена особенно замечательная статья, разбор книги: «Грамматические разыскания В. А. Васильева». Она замечательна не потому, что сочинение г. Васильева удостоивается (где? в чем?) особенной похвалы, не потому, что отдается должная справедливость знаменитому труду о. П(п)ротоиерея Павского, и не потому только, что возвещает любителям отечественного языка, что «последняя, шестая, часть «Филологических наблюдений» приводится к окончанию автором и вместе с четвертою и пятою не замедлит поступить в печать». – Статья сама по себе замечательна субъективно и объективно. Первое, по тону рецензента и его способу изложения; второе, потому что главный предмет ее – параллель Р(р)усского языка с Ф(ф)ранцузским. Последний безусловно восхваляется,

А России – Боже мой! –
Таска... да какая!

Машаллах, иншаллах! Это что за «буква»? Таска – да еще какая! и кому же? России!!!.. Мы сейчас покажем, в чем угодно было «Москвитянину» увидеть нашу (с позволения сказать!) таску России; но сперва ответим на вступительные пункты «Голоса» «Москвитянина». Почтенный журнал продолжает:

У нас с некоторого времени Ж(ж)урналы, по праву сильного завладения, почти исключительно поставили себя стражами, законодателями и оракулами в науках и словесности. Огромное влияние их на сию последнюю производится не отдельными статьями, сообщаемыми и подписанными кем-либо из сотрудников Ж(ж)урнала или посторонних его вкладчиков. Такие статьи составляют не более как голос или мнение кого-нибудь одного: а одному не всегда и не скоро удастся сделаться главою школы. Главное сосредоточие этого влияния – два особые отдела, собственно «Критика» и «Библиографическая хроника», никем не подписываемые. – Этот обязательный, периодический труд постоянных рецензентов Ж(ж)урнала есть голос редакции, которая за него стоит круговой порукой, голос самого Ж(ж)урнала, проявление его духа и направления, которое тем более распространяется, чем более Ж(ж)урнал имеет подписчиков и читателей. И в этом отношении «Отечественным запискам» неоспоримо принадлежит преимущество перед всеми другими Ж(ж)урналами нынешнего времени.

Журналы, видите ли, по праву сильного завладения, поставили себя стражами, законодателями и оракулами в науках и словесности! Нет, господин «Москвитянин», это не так! Журналы у нас судят о предметах науки, искусства и литературы не по праву сильного завладения, а по изволению высшей власти, со времен Петра Великого и до настоящего мгновения содействующей и благотворящей успехам просвещения и образованности в России. Было время, когда великая монархиня была участницею журнала в качестве писателя. Теперь журналистика сделалась потребностью образованной части русского общества, вошла, так сказать, в его привычки и нравы, именно вследствие этого деятельного покровительства свыше. Что теперь есть (как и были прежде и, к сожалению, будут всегда) журналы, которые добиваются попасть в законодатели и оракулы наук и словесности, – это правда; но правда и то, что именно этого-то рода журналы и не успевают никогда в своем намерении, потому что успех всегда остается на стороне журналов, которые без претензий, но зато с талантом и знанием дела, объявляют свое мнение о предметах, законно подлежащих их суждению, то есть о науке, искусстве и литературе. Что хороший журнал должен иметь определенное мнение, быть верным однажды принятому им направлению, под опасением оказаться плохим и кануть в Лету или едва влачить свое чахоточное существование, – в этом нет ничего предосудительного. Подписываются или не подписываются критические и библиографические статьи в журнале, – это решительно все равно и нисколько не изменяет сущности дела. Когда журналист – человек без мнения, журнал его будет бесцветен и мертв, хотя бы его сотрудники и не подписывали под статьями своих имен. Когда же журналист знает свое дело, – статьи множества его сотрудников, с подписью их имен, всегда будут согласны с его мнением, потому что он не допустит до участия в своем журнале людей разномыслящих, о которых можно сказать:

Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова!
Вот, например, в «Москвитянин» все критики и рецензии подписываются или полными именами, или хоть заглавными буквами имен, и все эти статьи толкуют о чем-то об одном, кажется, о словенстве или славянстве, или о чем-то этаким; но – странное дело! – во всех этих статьях, толкующих об одном, именно одного-то и нет, оттого ли, что гг. сотрудники не совсем понимают, о чем сами говорят, или оттого, что не могут согласиться друг с другом, – от той или другой причины, или по обеим вместе, только в «Москвитянин» часто выходит разноголосица. За доказательством недалеко ходить. Г-н Шевырев, разбирая «Мертвые души», до небес превознес их

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru автора; а «Голос в защиту русского языка» очень немного хорошего видит в Гоголе. Неужели такое разноречие одного и того же журнала об одном и том же писателе – есть достоинство, заслуга? И неужели говорить всегда одно и то же, не противореча самому себе, есть больше, чем недостаток журнала? Что за странная логика у «Москвитянина»!.. Но послушаем его дальше:

Не сочувствуя духу и направлению «Отечественных записок», нельзя однако же, отказать в справедливом уважении, на которое им дают право, во-первых, постоянная и строгая исправность их выхода: во-вторых, кроме здоровой толщины (слова «Отечественных записок») книжек, точное выполнение многосторонней программы Ж(ж)урнала. Переводные статьи, иногда заключающие в себе целые книги, непременно новы и большею частью хорошо переведены. В «Критике» иногда встречаются статьи, писанные бойким пером мастера. Материальная часть всегда в порядке относительно исправности печати и даже рассылки книжек. Вообще видна какая-то постоянная внимательность к читателям, заботливость сделать их довольными, которая заставила бы думать, что удовлетворение вполне их ожиданиям и вместе огромное влияние на мнение публики суть две единственные цели Ж(ж)урнала ж что за ними, уже как неминуемое последствие, приходит сама собою дань нескольких тысяч подписчиков; но «Отечественные записки» сами открывают совсем другое, усиливаясь доказать, даже с некоторою досадою, что в журнальном, так же как в мануфактурном и торговом производстве, деньги суть и цель и средство.

Благодарим за похвалы нашему журналу, как кажется, не совсем незаслуженные; но и не попустим неправды, совершенно незаслуженно на него взводимой. Да будет известно «Москвитянину» и всем, кому нужно это знать, что «Отечественные записки» никогда не говорили, что будто бы в журнальном производстве деньги суть и цель и средство. «Москвитянин» ссылается, в доказательство справедливости своего обвинения, на следующие строки «Отечественных записок»;

С появления «Библиотеки для чтения» литературный труд сделался капиталом... Много было тогда об этом споров, и многие видели в этом унижение литературы, литературное торгашество. Рыцари литературного бескорыстия, или, лучше сказать, литературного донкихотства, не замечали, что в их пышных фразах больше ребячества, нежели возвышенности чувства. В наше время, когда небогачам жить так трудно и жить можно только трудом, в наше время не ценить литературы на деньги значит не ценить ее ни во что, не признавать ее существования. Действительно, можно ли предполагать богатую литературу там, где книги – не товар и где говорят: «Все товар – и битое стекло, и мусор, и песок; но книга – не товар»? Можно ли предполагать действительное существование литературы там, где может жить своим трудом и поденщик, и разносчик, и продавец старого тряпья и битой посуды, и тем более писец, – но где не может жить своим трудом писатель, литератор? Что бы ни говорили, но аксиома неоспоримая, что нельзя в одно и то же время быть вполне и хорошим чиновником и хорошим литератором: чиновник непременно будет мешать литератору, а литератор чиновнику. Чтоб быть ученым, поэтом или литератором вполне, необходимо видеть в науке, в искусстве или в литературе свое исключительное призвание, свое, так сказать, ремесло, свой род промышленности, говоря языком политической экономии.

Где ж тут сказано, что деньги – и цель и средство в литературе? После этого все поэты и художники нашего времени – торгаши, работающие только для денег? И из всех поэтов Байрон особенно должен быть обвинен в торгашестве, потому что, получив богатое наследство, он все-таки брал с Муррая страшные суммы за свои поэмы. Пушкин получал от книгопродавца за каждый стих свой по червонцу: торгаш, для которого в поэзии деньги были и средством и целью! Сколько нам известно, знаменитый наш живописец К. П. Брюллов никому не дает даром своих картин, но берет за них хорошие деньги: торгаш, для которого, в живописи, деньги суть и средства и цель!.. Кто же не торгаш?.. Позвольте: что это напечатано на задней обложке «Москвитянина»? А! объявление о продолжении «Москвитянина» на 1846 год, с кратким, но красноречивым извещением, что «подписная цена за 12 книг, большого формата, в большую осьмушку, на лучшей белой бумаге, 40 рублей, с пересылкою 45 рублей ассигнациями»... Но, может быть, «Москвитянин» хотел этим намекнуть, что бывают-де на свете бескорыстные журналы, которые ничего не платят своим сотрудникам и вкладчикам? Действительно, бывают, – и стоит только перелистовать хоть одну книжку такого журнала, чтоб убедиться в том, что он ничего не платит за статьи: они так плохи, что у читателя невольно рождается подозрение, уж не платят ли сотрудники журнала за помещение в нем своих сочинений... Впрочем, это не больше, как подозрение, в которое может впасть только неопытный читатель:

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
опытным известно, что такие сердобольные журналы – род литературных богаделен, где призируются все литературные недужные и калеки, все убогие и нищие умом и дарованием. Бескорыстный журналист не всегда бывает в накладе от своего сердолюбия: ничего не платя своим сотрудникам, он тем более получает сам – для доказательства, что деньги есть только средство, а не цель в литературе...
Бесплатные журналы издавать легко: на них нужно такое небольшое количество подписчиков, какое всегда найдется, при известной ловкости, – и издатель поэтому всегда будет с барышом, небольшим, но верным... Вот отчего иногда тянется столько лет сряду иной журналец, которого почти нигде не видно и которого, по-видимому, никто не читает...

Обвинив «Отечественные записки» так основательно в явном проповедовании мысли, будто в журнальном деле деньги не только средство, но и цель, «Москвитянин» пускается в рассуждения о том, что прежде труднее было сделать критику, нежели теперь, после чего вдруг переходит к статье «Отечественных записок», возбудившей его негодование, и смущается духом от слов «Отечественных записок», что первым критиком на Руси был Карамзин, а после него – Жуковский и Мерзляков. Что же тут не понравилось «Москвитянину», что смутило его так? А то, что, видите ли, и прежде Карамзина были критики. Действительно были, хотя и до того плохие, что о них не стоит и упоминать. Не всякий тот критик, кто пишет критики, так же как не всякий тот поэт, кто пишет стихи. Критик – тот, чьи мнения имеют вес и принимаются публикою, кто, следовательно, имеет большее или меньшее влияние на развитие и направление вкуса в обществе. Чтоб быть таким критиком, вовсе не нужно представить заранее «собственные произведения, если не в образец, то в оправдание своих мнений», как утверждает «Москвитянин». Чтоб быть хорошим критиком, вовсе не нужно быть поэтом, так же как для того, чтоб быть хорошим поэтом, вовсе не нужно быть критиком. Винкельман не был скульптором и не представил ни одной статуи, «если не в образец, то в оправдание своих мнений», – и тем не менее он – Винкельман, а не «Москвитянин». Что Карамзин, будучи хорошим для своего времени критиком, был вместе и таким же поэтом и писателем, – это делает ему двойную честь и славу; но нет ни малейшей нужды делать из этого примера общее правило. «Рецензент может быть автором одних рецензий, и те писать языком небрежным, неправильным», – говорит «Москвитянин». Это еще что за новость? Писать одни рецензии, а не писать вместе с ними, например, хоть рецептов, значит впасть вдвину? Да, сочинитель этой удивительной статьи должен быть человек весьма оригинальный и вместе с тем непомерно строгий! Он напоминает нам доктора франция, который чуть не повесил парагвайского сапожника за то, что тот не умел починить седла. Какое для нас счастье, что мы не парагвайцы: худо было бы нам!.. Касательно же того, что рецензент теперь может писать рецензии языком небрежным и неправильным, – это не новость, и дивиться тут нечему: все рецензенты, критики, поэты, словесники искони веков пользовались правом писать таким языком, каким они умеют, каким они в силах писать. Исключение остается, кажется, только за китайскими сочинителями, потому что в Китае, под опасением ста ударов бамбуком по ушам, по носу, нельзя писать, не получив на это нрава от палаты десяти тысяч церемоний. Оттого так и процветает литература Срединной империи! Во всех других странах мира это делается совсем иначе: всякий может писать как умеет. У нас тоже. Понятия о небрежном и неправильном языке условны: одному кажется так, другому иначе. «Москвитянину» язык «Отечественных записок» кажется небрежным и неправильным, а нам язык «Москвитянина» кажется еще хуже, нежели небрежным и неправильным. Вот для образчика несколько строк из «Москвитянина»: «Конечно, из всей громады мыслей и чувств, волнующих славянское племя, возникающее из праха и отряхающее вековой сон с отяжелевших вежд, из всех стремлений, переходящих в быти, наибольшее наше участие должна возбуждать жизнь единоверных сербов, связанных с нами крепче других узами православия, братской любви и сильнейшим предчувствием, что опора и надежда их самостоятельности заключается в России». Что это такое – громада мыслей и чувств? Что такое – стремления, переходящие в быти? Что такое: «главное огнище священного огня к родине» в той же статье («Письмо из Вены о славянских новостях» г-на Ригельмана, стр. 37 и 41)?.. Может быть, все это – образчики правильного, обработанного языка русского? Может быть! Не спорим – на вкус товарища нет! Выражения в статье «Голос в защиту русского языка» вроде: на сию последнюю не обнаруживают, по нашему мнению, уменья хорошо писать. Правда, г. Д. (под статью «Москвитянина» подписана буква Д.) пишет довольно правильно; но чтоб он писал хорошо – это другой вопрос, который он решает по-своему, мы тоже по-своему, и которого настоящим решителем может быть только публика... Продолжая свои нападки на рецензента нашего времени, или – сказать прямее – на рецензента «Отечественных записок», «Москвитянин», или его сотрудник г. Д., говорит, что для него, рецензента нашего времени, нет законов, а он сам закон для всех, что он

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru неумолим, как fatum[2] древних, изрекает свои приговоры без разысканий и доказательств, на основании собственного произвола, уверен в своей непогрешительности. Из чего все это следует? Бог весть! Из того, вероятно, что рецензент нашего времени решается «сметь свое суждение иметь», – между тем как Г. Д., сколько заметно по тону статьи его, явно выдает произвол своих мнений за высшую инстанцию решения литературных вопросов.

Достигши своей главной цели, то есть обвинения «Отечественных записок» в разных небывалых, но тем не менее важных недостатках, «Москвитянин», или его сотрудник Г. Д., переходит к своей побочной цели – к разбору рецензии «Отечественных записок» на книжку Г. Васильева «Грамматические разыскания» (том XLI, «Библиографическая хроника», стр. 51–61). Он делает из нашей статьи длинные выписки, заключая каждую из них коротким замечанием собственной работы. Мы не можем и не хотим перепечатывать вновь своей статьи и потому постараемся изложить как можно короче ее содержание, подавшее повод к таким нападкам со стороны «Москвитянина», и главные пункты этих нападков.

В нашей статье было сказано, что русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий, в доказательство чего указано было на то, что в русском языке иногда для выражения разнообразных оттенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов. Выше мимоходом было замечено, что русский язык способен к воспроизведению изящной эллинской речи. Теперь прибавим к этому, что последнее свойство из новых европейских языков, кроме русского, принадлежит только немецкому и всего менее французскому, на котором нет никакой возможности читать Гомера, как бы перевод ни был хорош. Между тем в статье нашей было сказано, что русский язык еще не развился, не обработан, грамматика его не установилась; что наш письменный и разговорный язык тяжел, книжен, беден словами и оборотами; что наше длинное местоимение который и длинные причастия, действительные и страдательные, делают нашу речь неуклюжею, растянутою, тяжелою и книжною. При этом замечено о превосходстве французского языка для легкой литературы, для писем и для разговора в обществе. Замечено, что новые европейские языки, происшедшие от латинского, получили от него богатое наследие слов, выражающих глубоко рациональные понятия, выработанные древнею цивилизациею. Это признано нами, как и прежде нас признано целым светом, за великое преимущество новейших европейских языков перед русским, который поэтому необходимо должен испещряться иностранными словами.

Вот в сущности все содержание статьи «Отечественных записок», возбуждавшей негодование «Москвитянина». Не понимаем что в ней оскорбительного для нашего национального чувства? После этого как же прикажете исследовать предметы науки, искусства и литературы? После этого отдать итальянскому климату преимущество пред петербургским – значит ни больше ни меньше, как задача России?.. Что русский язык – один из богатейших языков в мире, в этом нет никакого сомнения. Но при этом не должно забывать исторического развития России и быстрого оборота, произведенного в нем реформою Петра Великого. До Петра Великого русский язык вполне соответствовал нравственному состоянию Руси и был больше, чем только достаточен для выражения всего круга понятий того времени. Но с реформою Петра Великого, отворившею двери России дотеле чуждым ей понятиям, русский язык по необходимости должен был подвергнуться наводнению чужестранных слов и даже оборотов, а высшее общество по необходимости должно было предпочесть чужой язык своему родному. Теперь, когда у нас есть уже литература и когда самый язык подвергся большим изменениям, эта необходимость не существует более и для высшего общества. Но, несмотря на то, еще не близко время окончательного установления русского языка, и чем оно отдаленнее, тем больше надежды на более богатое развитие нашего языка.

Еще раз спрашиваем: что обидного в наших словах для чести русского языка или русской национальности? Может быть, наше мнение неверно, ошибочно, даже вовсе ложно? Положим, что так; но неужели право ошибаться есть чье-нибудь исключительное право? Ведь «Москвитянин», верно, не считает же себя непогрешительным? Если наше мнение о русском языке показалось ему ошибочно или ложно, он мог сделать свои замечания на наше мнение, опровергнуть его, но не должен, не вправе был приписывать нам по этому поводу намерений, которых у нас вовсе не было. К чему такая нетерпимость к чужому мнению, и в ком же? – в журнале, который беспрестанно рассуждает о добродетели, кротости, смирении, любви!..

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Но взглянем на доводы «Москвитянина». Первый запрос его нам состоит в том, зачем, говоря о влиянии на русский язык наших знаменитейших светских писателей, умолчали мы о влиянии на него писателей духовных? Отвечаем: журнальная рецензия – не диссертация, не ученая книга, где предмет сочинения исчерпывается по мере возможности весь, до дна. Явится другая книжка, вроде сочинения г. Васильева, мы, разбирая ее, скажем то, чего не досказали по поводу первой; явится третья – опять найдется что сказать по ее поводу о том же предмете. Сверх того, мы были, как говорится, в своем праве, говоря о влиянии на русский язык только светских писателей, так же как всякий другой был бы в своем праве, говоря о влиянии на наш язык только духовных наших писателей. Тут все многозначительные вопросы – зачем и почему, не имеют места, и на них один ответ: потому что так хотели мы.

Второй запрос состоит в том, зачем «Отечественные записки» не показали влияния на язык нашего юридического красноречия? «Или (многозначительно и чисто юридически замечает рецензент) эта отрасль языка у народа, имеющего гражданское устройство, так ничтожна, что не заслуживает и упоминения?» Отвечаем на это: мы вовсе не знакомы с русским судебным красноречием, потому что, как замечает сам судья наш, произведения этого рода не напечатаны. А о том, что не напечатано, журнал не имеет права и судить. Рецензент «Отечественных записок» насколько не сомневается, что рецензент «Москвитянина» знает все науки и что ему в особенности знаком язык юридический, как это доказывает, статья его: тем лучше для него, – ему и книги в руки!

Третий запрос: почему рецензент «Отечественных записок», говоря о Пушкине как преобразователе языка, останавливается на повести «Арап Петра Великого» и не говорит ни слова об «Истории Пугачевского бунта»? Ответ: рецензент забыл и охотно признает свою забывчивость непростительною, а третий запрос дельным.

Четвертый запрос: почему рецензент «Отечественных записок» не упоминает, например, о «Письмах русского офицера» Ф. Глинки? Ответ: оттого, что не считает их стоящими упоминания. Может быть, рецензент «Отечественных записок» в этом случае ошибается, но «ошибки суть свойственны человеку» – *errare humanum est*. Почему же он не упомянул о других, действительно важных произведениях, упоминаемых ниже рецензентом «Москвитянина», – причина та, что он писал не диссертацию, а рецензию.

Что касается до стихов Кольцова, приведенных в рецензии «Отечественных записок» как пример живописности русского языка в изображении предметов природы, они действительно выражаются таким слогом, который очень естествен в произведении, написанном в духе народной поэзии.

Но вот самый страшный запрос: где рецензент «Отечественных записок» изучал русский язык – в пословицах, в песнях, в исторических актах? Потом, именно где и в чем изучал он – в своем кабинете, в бархатных сапогах, или в других каких-нибудь местах и в других сапогах? На это рецензент «Отечественных записок» имеет честь ответить рецензенту «Москвитянина», что бархатных сапогов он не носит, что русский язык изучал он больше всего в сочинениях русских писателей и в образованном обществе; с пословицами знаком; сказки и песни, собранные Киршею Даниловым, знает чуть не наизусть; читывал не без внимания и другие сборники произведений народной поэзии; к русскому народу прислушивался... Во всяком случае, с отроческих лет по страсти занимаясь русскою литературою и русским языком и лет около пятнадцати действуя на литературном поприще с такою удачею, что сам «Москвитянин» признал некоторые критические статьи его в «Отечественных записках» писанными бойким пером мастера, рецензент «Отечественных записок» думает, что в деле русской литературы и русского языка он что-нибудь знает, – может быть, не так много, как рецензент «Москвитянина», г. Д., но ведь не всем же быть генералами, то есть полководцами; для многих и офицерский чин – недостижимая высота: овому талант, овому два...

Далее рецензент «Москвитянина» делает нам запрос: в каких салонах *au Marais*, а *la Chaussee d'Antin*[3] или в предместьях *Saint-Germain*[4] случалось нам слышать слова *substance*, *absolu*, *abstrait*, *concret*[5], и есть ли во французском словаре Академии слова: *indifferentisme* и *obscurantisme*[6]? Ответ: рецензент «Отечественных записок» не был во Франции, и ему мало нужды до того, какие употребляют или не употребляют слова салоны *au Marais*, а *la Chaussee d'Antin* и в предместьях *Saint-Germain*. Прошло уже то время, когда свет образования был монополиею этих трех пунктов Парижа; он теперь во всем Париже, везде, где сходятся образованные люди. Слово *substance* имеет не одно философское значение,

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru но и житейское: оно означает и припасы (съестные), и материю, и сущность; absolu – самое употребительное слово, особенно в приложении к словам: gouver-nement, puissance, monarchic[7]: может ли быть оно неупотребительным в простом разговоре там, где все помешаны на политике? Слово individu[8] самое простое: его встретите и в романе, и в комедии, и в водевиле. Есть ли слова: indifferentisme и obscurantisme в словаре французской академии издания 1835 года, не можем сказать, за неимением под рукою этого словаря; но, в утешение рецензента «Москвитянина», скажем, что они есть не только в «Dictionnaire general et grammatical des dictionnaires francais»[9] Наполеона Ланде, изданном в 1843-м году{2}, но даже в «Словаре» Татищева, изданном в 1839–1841 годах. Впрочем, до словарей нам дела нет: с нас довольно и того, что эти слова встречаются даже в романах и повестях лучших французских писателей, которые не следуют примеру немцев, пишущих книжным или темным языком.

Теперь мы дошли до такой мысли «Москвитянина», которая, по самой оригинальности своей, весьма замечательна. Рецензент «Отечественных записок» назвал слова: фабрика, губерния, маляр, кучер, мастер, мастерство, подмастерье, смастерить – иностранными, вошедшими в состав русского языка. Рецензент «Москвитянина», прибавив к ним, как он говорит, и старших их братьев азиатского происхождения: ясак, ерлык, аргамак, халат, изъявляет свое согласие признать все эти слова не русскими, а иностранными, но не просто, а на том условии, чтоб рецензент «Отечественных записок» доказал ему, что «те, чьи предки выехали в XIV столетии от немец и из Золотой орды к Димитрию Иоанновичу Донскому, и доселе не русские, а иностранцы, хотя 500 лет исповедают (исповедают?) православную веру, говорят русским языком, служат и пользуются всеми правами гражданства». Рецензент «Отечественных записок» решительно отказывается доказывать такую странность; а что касается до помянутых слов, он также признает их не русскими, а иностранными, как русских людей иностранного и притом древнего происхождения признает совершенно русскими, а не иностранцами, – и основывается на том, что национальность человека способна к перерождению физическому и нравственному и что слова не исповедают никакой веры, не женятся и не родят.

Особенное негодование возбудило в «Москвитянине» мнение «Отечественных записок» о непереводаемости на русский язык французского слова charite, которого значение не вполне передается русским словом «милосердие». «Москвитянин» почел долгом воспользоваться этим случаем. Он приводит тексты из апостола Павла на французском, русском, церковнославянском и немецком языке, из которых видно, что французское слово charite по-русски и по-немецки заменены словом любовь. Не явное ли это доказательство, что у французов словом больше против русских и немцев, потому что, кроме слова amour (любовь), у них есть еще и слово charite, которое означает деятельную, практическую любовь, обнаруживающуюся стремлением облегчать страдания ближнего. Мы не думали доказывать, что отсутствие этого слова у народа может служить признаком отсутствия и выражаемого им понятия. Нет, отсутствие слова charite дает слову любовь только обширнейшее значение, а у французов оно служит признаком филологического, а отнюдь не христианского преимущества перед нами. Поэтому совершенно неуместны следующие фразы «Москвитянина»: «Жалок тот народ, не совсем полудиккий, который живет и не имеет в своем языке слова, для выражения вполне понятия, заключающегося в слове charite», и что «этот народ – русский». Хорошее ли дело произвольно приписывать другим подобные мысли?..

Затем в статье «Москвитянина» следует длинный ряд фигур единоначатия, начинающихся фразой: «Не верим рецензенту «Отечественных записок»». Действительно, рецензент «Москвитянина» так же ни в чем не верит рецензенту «Отечественных записок», как рецензент «Отечественных записок» ни в чем не верит рецензенту «Москвитянина». Дело очень простое и естественное: зачем же делать из него что-то важное? Вот и оказалось, кто считает себя непогрешительным, кто неумолим, как fatum древних, кто изрекает свои приговоры без разыскания и без доказательств или с весьма бездоказательными доказательствами, на основании своего собственного произвола: рецензент ли «Отечественных записок» или рецензент «Москвитянина»? Слово: «не верим» не есть еще приговор; вы не верите другим: другие в том же не поверят вам. «Москвитянин» уверяет, что «нашлось возможным передать на нашем языке философию, даже (?) Шеллинга и Окена». А кто же говорил, что они непереводаемы по-русски? Мы говорили только, что их невозможно перевести, не испещрив русского перевода множеством иностранных слов, и повторяем это теперь. Если некоторые пуристы слова: индивидуум и факт заменяют словами неделимый и быть, так это только смешно, а ничуть не доказательно. Что французский язык был разработан и развит два века назад, – это факт, несмотря на

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru все цитаты «Москвитянина». Тут невозможны никакие параллели с русским языком. Не говоря уже о превосходстве гения, сравните по чистоте языка – Расина (и даже Корнеля) с Озеровым, – и вы увидите, что тут неуместны все сравнения; а между тем это писатели XVII века, Озеров же – писатель XIX века. Тут нечего восклицать: «Этому ли богатству нам завидовать?» Именно этому! Что Вольтер жаловался на бедность французского языка, – это не доказывает богатства русского; это доказывает только, что Вольтер не принадлежал к числу тех посредственностей, которые способны остановиться на чем-нибудь и удовлетвориться чем-нибудь. Сверх того, никакой язык ни в какую эпоху не может быть до того удовлетворительным, чтоб от него нечего было больше желать и ожидать. Что же касается до Фонвизина, с его неестественными, безличными и скучными резонерами, вроде Стародумов, Софий, Милонов (а не Милоновых) и Правдиных, до Грибоедова и Гоголя, – мы отказываемся от всякого спора с рецензентом «Москвитянина»: все доказывает, что судить о поэзии вовсе не его дело... Если он в чем силен, так это в юриспруденции... – О языке Карамзина и теперь подтверждаем наше мнение, считая его столько верным, сколько «Москвитянин» считает его ошибочным...

Наконец, рецензент «Москвитянина» наполняет свою статью с лишком тремя печатными листами выписок из «Слов и речей» преосвященнейшего Филарета, митрополита московского. Очень любопытен этот оборот. Рецензент «Отечественных записок» сказал, что годовой бюджет нашей литературы так беден, что публике нашей почти нечего читать. Рецензент «Москвитянина» объявляет это мнение тем разительнее неосновательным, что в тех же «Отечественных записках», месяца за четыре назад, извещалось о выходе из печати «Слов и речей» преосвященнейшего Филарета, митрополита московского. Где ж тут разительная неосновательность? Мы говорили о светской литературе, о романах, повестях, стихотворениях, драмах и т. п.; но ни слова не говорили ни о богатстве, ни о бедности теологической литературы...

В одном мы совершенно согласны с рецензентом «Москвитянина»: именно – в его мнении о высоком достоинстве «Слов и речей» преосвященнейшего Филарета, как со стороны глубокости их содержания, так и со стороны красноречивого изложения. И рецензент «Москвитянина», наполнив большую часть своей статьи выписками из этих «Слов и речей», имеет полное право сказать, что в его статье есть много мест, исполненных высокого красноречия, хотя и принадлежащих не его, а чужому перу.

Царство веры не от мира сего. Церковь, для ее действия, не нуждается в обыкновенных средствах. Для ее вечных, непреходящих и неизменных истин всякий человеческий язык был, есть и будет достаточен и богат. Проповедь требует больше любви и убеждения от проповедника, нежели богатого развития от языка, на котором говорит проповедник. Первые апостолы были рыбаки, которые, в простоте сердечного убеждения, прозрев духовно, увидели больше мудрых мира и сделались ловцами человеков... Короче: мы думаем, что история духовного красноречия должна быть изучаема и излагаема отдельно от истории светской литературы. Это дело людей, посвятивших себя изучению богословия. Говоря о духовных витиях, нельзя же ограничиться одною внешнею стороною их «слов» и «речей», то есть одним красноречием, но невольно коснешься и содержания, с которым оно связано и от которого оно получает свою силу. А это значит войти в сферу теологии... О предметах теологических должны рассуждать теологические, а не литературные журналы, наполняемые стишками, сказками, всякою мирскою суетою, а иногда – что греха таить! – и спорами, которые порождаются не совсем христианскими чувствами...

Вот другое дело, если мы скажем, что словесность как наука выдумана педантами, что риторика и пиитика – вздор, а рецензент «Москвитянина» объявит, что он в этом нам «не верит»: об этом можно спорить и важно, и шутя... Мы представили, в оправдание своего мнения о словесности как науке, о риторике и пиитике, целую статью, с посильными доказательствами и доводами; а рецензент «Москвитянина» без всяких доказательств, одним «не верю», напоминающим самовластное «veto» [10], думает порешить вопрос... Так решать легко!

Но такие решения не стоят ни внимания, ни опровержения. Нас совсем другое заставило взяться за перо: это вовсе не литературные обвинения, взводимые на нас «Москвитянином» уже не в первый раз. Без них мы и не упоминали бы никогда об этом журнале, но при них мы не считаем себя вправе оставлять его без ответа. Думаем, все благомыслящие люди согласятся с нами, что молчать в подобных случаях не годится...

Примечания

1 протокола (фр.)

2 рок (лат.)

3 Марэ, Шоссе д'Антен (фр.)

4 Сен-Жермен (фр.)

5 субстанция, абсолютный, абстрактный, конкретный (фр.)

6 индифферентизм, обскурантизм (фр.)

7 правительство, держава, монархия (фр.)

8 индивидуум, личность, человек (фр.)

9 «Всеобщий и грамматический словарь французских словарей» (фр.)

10 запрещаю (лат.)

Комментарии

1 Если бы этот замысел не был столь дьявольски продуман, то его можно было бы назвать просто дурацким (Шиллер. Валленштейн) (нем.)

2 «Indifferentisme, subst. et adj. des deux genres, partisan de l'indifferentisme» (tome II, стр. 66). – «Obscurantisme, subst. mas., secte, systeme des obscurants» (ibid., стр. 278) [«Индифферентизм, существ. и прилаг. обоих родов, сторонник индифферентизма» (том II, стр. 66). – «Обскурантизм, существ. м. рода, секта, учение обскурантов» (там же, стр. 278) (фр.)].

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!